

В. С. ДУДАРЕВ

«НЕБО ЕЩЕ СВЕТЛО, ТОЛЬКО ВОТ ТУЧИ УЖЕ СГУЩАЮТСЯ» РОССИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПРУССКОГО ДИПЛОМАТА КУРДА ФОН ШЛЁЦЕРА

В статье на основе малоизвестного в российской и германской историографии источника анализируется восприятие прусским дипломатом Курдом фон Шлёцером событий, происходивших в России накануне и в первые годы Великих реформ, показаны оценка Шлёцером личных качеств некоторых российских государственных деятелей, а также особенности социально-политического фона в России того времени в понимании представителя прусской дипломатической миссии в Петербурге.

Ключевые слова: Российская империя, Прусское королевство, Курд фон Шлёцер, Александр II, А.М. Горчаков, К.В. Нессельроде, А. Л. фон Штиглиц, Великие реформы

Старые письма, как своеобразный монолог истории, являются ценным источником, позволяющим прикоснуться к познанию прошлого. Современники происходивших событий выступают в роли тихого голоса истории, а сами письма – хранителями этих нередко забытых голосов, свидетельствами ушедших лет, тонкой линией, связывающей разделенные порой несколькими сотнями лет времена, страны и поколения. В этой связи особое значение имеют письма иностранцев из тех стран, где волею судеб им суждено было провести часть своей жизни в мыслях о родине и в познании новой культурно-исторической традиции, окружавшей их на какое-то время. В некотором смысле читатель этих посланий, которого от описываемых событий отделяет значительный временной промежуток, занимает то же положение, что и автор писем, носитель иной системы культурных ценностей и традиций. И один, и другой, по сути, открывают для себя неизвестную им страну.

К такого рода источникам относятся петербургские письма прусского дипломата и историка Курда фон Шлёцера, брата российского консула в Штеттине в 1844–1859 гг. Августа Людвига Нестора фон Шлёцера (1808–1899), сына известного в Петербурге немецкого дворянина, российского консула в Любеке Карла фон Шлёцера (1780–1859) и внука знаменитого историка Августа Людвига фон Шлёцера (1735–1809). Петербургскую личную корреспонденцию Шлёцера издал в 1921 г. в Германии его племянник, Август Людвиг Леопольд фон Шлёцер. Несмотря на то, что с момента публикации прошло уже почти сто лет, исследование этого исторического источника как в зарубежной, так и в отечественной историографии практически не проводилось. Вместе с тем, корреспонденция Шлёцера содержит интересные сведения о внутреннем развитии и внешнеполитическом потенциале Российской империи в самом начале проведения Великих реформ, передает важную информацию о российских государственных деятелях, высшем петербургском обществе. До нас дошло

более 120 писем, автор которых с немецкой точностью и педантичностью передавал из Петербурга ценную информацию и интересные новости. В 2019 г. был опубликован перевод этих писем на русский язык¹.

Подающий надежды историк Курд фон Шлёцер уже в студенчестве и после окончания обучения в университетах Гёттингена и Берлина получал высокие оценки результатов своей научной деятельности. Во время проживания в Париже Шлёцер с подачи известного востоковеда Жозефа Туссена Рено стал иностранным членом Азиатского общества; его знания и манера повествования так приглянулись немецкому филологу, ректору университета города Галле Готфриду Бернгарди, что тот пригласил Шлёцера преподавать в Галле. Однако молодой историк выбрал иной путь. После поступления на работу в прусское министерство иностранных дел Шлёцер получил первое в своей жизни назначение – на пост секретаря Прусской королевской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге, где ему довелось работать с начала 1857 г. вплоть до июля 1862 г.

Петербург сразу же закрутил молодого дипломата в притягательном водовороте столичной жизни. «Я живу здесь непрекращающейся очаровательной жизнью, – писал с восторгом Шлёцер. – Все люди восхитительно любезны, погода прелестная, званые обеды поистине шикарны, город в своем зимнем одеянии роскошен, – вкратце, я необычайно весел. Мой посланник <...> в первый день Рождества при минус 20-ти градусах в течение почти трех часов совершал со мной объезды, чтобы ввести меня в круги дипломатического корпуса и придворной знати» [26].

По роду своей деятельности Шлёцеру в России удалось обзавестись широким кругом знакомств: это и верноподданные Прусского королевства, проживавшие в Российской империи, и аккредитованные в России дипломаты зарубежных государств, и российские государственные деятели. Кроме того, в его письмах постоянно фигурируют несколько персонажей, личным знакомством с которыми Шлёцер очень дорожил.

Важную информацию о состоянии дел в Российской империи Шлёцер получал в ходе частых бесед с бароном А.Л. фон Штиглицем, крупнейшим российским финансистом, банкиром и промышленником, меценатом и благотворителем. Еще будучи председателем Биржевого комитета Санкт-Петербурга, Штиглиц в 1857 г. стал соучредителем Главного общества российских железных дорог, а спустя три года – управляющим Государственным банком России. Барон принимал участие во всех крупных финансовых делах официального Петербурга на внешнем и внутреннем рынках, через его банкирский дом Россия поддерживала отношения с банкирскими домами Нидерландов, Великобритании, Франции. К прусскому дипломату барон был особенно благосклонен, приглашал его на частые светские рауты в своем доме, вводил его в высший свет, открыто беседовал с ним на разные темы. «Он остается для меня, – писал Шлёцер, – интересным, любезным человеком, о котором я многое узнаю, слышу

¹ Шлёцер 2019. Далее указания на страницы даются в скобках в тексте статьи.

новое и с которым я могу говорить о разных вещах <...> он в целом питает по отношению ко мне полное доверие и рассказывает мне с глазу на глаз о делах, о которых он, как я полагаю, никому более и не сообщает <...> у него здесь больше никого и нет для доверительных бесед <...> Быть финансовой величиной – это не беззаботная судьба» [105-106].

Теплые отношения у Шлёцера сложились с бывшим российским канцлером и на протяжении более 30 лет министром иностранных дел К.В. Нессельроде. Он видел в нем «человека, в которого невозможно не влюбиться. Какое уравновешенное спокойствие! И при этом такая скромность». Молодой прусский дипломат испытывал к нему теплые чувства. Посвященные Нессельроде строки из писем Шлёцера пронизаны глубоким уважением: «не могу скрыть, что каждый раз, когда я встречаюсь с графом, пребываю в некоем внутреннем волнении, чувство, которое я совершенно не испытываю по отношению к князьям, но имею к этому человеку, поскольку вижу в нем перед собой четверть века европейской истории, которую он помогал творить вот этими самыми прелестными небольшими руками. Через несколько минут чувство волнения уходит, поскольку этот пожилой мужчина очень добродушный и заставляет каждого чувствовать себя à son aise» [29]. Приводя в одном из своих писем [261-269] очень хлесткое сравнение русского канцлера А.П. Бестужева-Рюмина и канцлера-немца К.В. Нессельроде, Шлёцер безусловно симпатизирует второму. Напротив, действующий российский министр иностранных дел, канцлер А.М. Горчаков вызывал у Шлёцера смешанные чувства. С одной стороны, прусский дипломат отмечал в нем такую черту характера как высокое самомнение: «Le „Prince Ministre“ уже некоторое время не совсем здоров. О его высказываниях за границей со всех сторон приходят интереснейшие новости. Он везде ставил себя так, как будто бы он один держит в своих руках руководство миром» [103]. Вместе с тем, Шлёцер отмечал высокое дипломатическое искусство российского министра не только в международных делах, но и во внутренней политике. «Как homo liberalis этот, для русского (человека – В.Д.) необычайно литературно образованный скептик, – писал Шлёцер о Горчакове, – любит представлять дело гуманности и цивилизации. Для крестового похода Николая (Николая I – В.Д.) против Константинополя такое едва ли было возможным. С другой стороны, в популярной ненависти к Австрии он проявляет себя чистокровным русским, не впадая при этом в славянский радикализм» [154]. Цени профессиональные качества российского канцлера и учитывая те сложные международные условия, в которых ему приходилось отстаивать внешнеполитический курс России, Шлёцер вел себя в общении с этим «великим человеком» [242] в высшей степени уважительно, и российский министр отвечал ему взаимностью и «сказочной любезностью» [241]. Несколько раз, когда прусский посланник в России Отто фон Бисмарк отсутствовал в Петербурге по вызову из Берлина, Горчаков изъявлял желание общаться не с замещавшим Бисмарка первым

секретарем прусского представительства Г.В. Крой-Дюльменом, но непосредственно со Шлёцером. Бисмарк, в письме помощнику статс-секретаря Ю. фон Грунеру, сообщал: «также и Горчаков при его повторном отказе вести переговоры с Кроем советовал мне присылать лучше Шлёцера, с которым он смог бы довольно хорошо решать дела» [230].

С особым вниманием Шлёцер относился в своих письмах к императору Александру II, знакомством с которым он очень дорожил. Прусский дипломат с уважением отзывался о личных качествах российского самодержца, его «всемилюющей рыцарской сущности» [88-89], «строгой, но вместе с тем мягкой и доброжелательной императорской манере держать себя» [27]. Шлёцер писал своим родным об императоре: «кажется, он действительно честный и благосклонный, даже мягкосердечный, человек. Его глаза, взиравшие когда-то с искренним уважением на своего учителя, любезного скромного Жуковского, так же светлы» [88-89].

Но в этом, по мнению Шлёцера, и был трагизм императора Александра II. Прусский дипломат считал, что «русский испытывает потребность в жесткой руке» [79], что приобретало еще большую актуальность в условиях социально-политической и экономической турбулентности, в которую Российская империя вошла в середине XIX в. Прусский дипломат нередко приводил в письмах параллели между Александром II и его отцом, императором Николаем I. «Дворянство, – писал Шлёцер, – даже если оно более и не осмеливается так публично выступить как при Александре I, за исключением некоторых, неистовствует в отношении этой крестьянской истории; оно, конечно же, думает, что более и нельзя было бы потрясать положение вещей. А дорогой император? Офицеры, у которых не осталось энергичного, грубого императора, называют его: „Staraja baba“» [119]. Это очень тесно перекликается со строками из письма прусского посланника в России О. фон Бисмарка своему другу Р. Ауэрсвальду: «должно быть, каждый иностранец удивляется тому, что слышит, как откровенно критикуют государя самые знатные и мелкие подданные. Его благородному сердцу, конечно же, воздают должное, однако, все же, оспаривают то, что он справится со своей задачей, жалуются на то, что ему недостает силы воли и работоспособности; знания дела и собственного мнения; его считают ответственным за безнадежное состояние в сфере управления и законодательства, от которых страдает благосостояние страны, как будто одно лишь слово императора могло бы сотворить тысячи порядочных и профессиональных чиновников из огромного числа неотесанных мошенников <...> Ни от кого не услышишь и слова признательности, понимания существующего»².

Шлёцер оказался в Петербурге в один из ключевых для российской истории периодов, в эпоху начала Великих реформ. В его письмах в подробностях и довольно точных деталях рассматривается ход крестьянской реформы, первые важные успехи железнодорожного строительства

² О. фон Бисмарк – Р. Ауэрсвальду. 30/18 ноября 1860 // Бисмарк 2013: 198–202.

в России, состояние финансовой системы империи. Предоставляя будущим читателям корреспонденции Шлёцера возможность самостоятельно погрузиться в описание этих важных сюжетов, важно показать некоторые выводы, к которым пришел прусский дипломат.

Шлёцер был поражен масштабами и энтузиазмом, с которым в России после окончания Крымской войны приступили к созданию разветвленной железнодорожной системы: «Великий проект строительства железной дороги стоит в центре внимания. Огромная империя должна все же сократиться по всем направлениям и вступить с соседними государствами в тесное общение; ворвался свежий воздух – началась новая эра мирного развития», – и добавлял при этом: «так мечтает русский...» [58]. В будущем, размышлял Шлёцер, «изолированная Россия станет перспективной житницей для сопредельных с нею стран, и, если себе представить, что дорога продлится на восток, – мировым торговым путем в Азию и Америку», и тут же добавлял: «Все же – это только в будущем! Россия, прежде всего, остается Россией, и пока что здесь правит чиновник» [36-37]. На чиновничестве лежала большая ответственность за проведение преобразований. Слабость административного аппарата, главным образом на местах, была опасным явлением, особенно в условиях реализации крестьянской реформы. 17 (5) марта 1861 г., в Прощеное воскресенье, в день, когда в Петербурге и Москве населению было объявлено об отмене крепостного права в России, Шлёцер отправился к Исаакиевскому собору, чтобы понаблюдать за реакцией населения на Манифест об отмене крепостного права. «Народ был действительно смехотворно апатичен. То, что газеты говорят об энтузиазме, не соответствует истине. В театрах звучали гимны, вот и все» [223], – таким запомнились настроения петербуржцев Шлёцеру. В этот же день, он чуть позже напишет: «Ни один деспот не сможет сделать счастливой страну, которую его предки делали несчастной. Следы вековых угнетений не могут быть стерты императорским декретом. В этом трагизм Александра II. Все же для короткого человеческого мига отмена крепостного права остается одним из величайших и самых ответственных правительственных деяний <...> Сколько будет еще беспорядков и пролития крови, прежде чем несправедливость, от которой страдали здесь многие поколения, будет исправлена, прежде чем забытый, уклоняющийся от работы русский крестьянин вдруг осознает выпавшее ему счастье и научится им пользоваться! Он, должно быть, поймет его неправильно. И в этом трагедия русского народа» [223].

Яркие, позитивные и беззаботные описания жизни в Петербурге в первые годы аккредитации Шлёцера со временем изменились. Пропал восторг и воодушевление, им на смену пришли реалистичные, очень резкие высказывания, и довольно неутешительные прогнозы. Уличить Шлёцера в намеренном создании в серых тонах картины внутреннего положения дел в Российской империи едва ли возможно, учитывая его заметную по письмам позитивную жизненную позицию, а также и тот факт, что это

была личная, а не официальная корреспонденция, ориентированная на создание образа России в прусских высших политических кругах.

В канун и первые годы после отмены крепостного права Шлёцер писал о сложившейся в России патовой ситуации, когда «все делается шиворот-навыворот», когда с целью экономии отправляют в отставку офицеров и чиновников, из-за чего «армия и чиновничество будут деморализованы еще больше, чем даже сейчас», когда «хотят отменить крепостное право, но не знают, как» [79]. Описание беспомощности и дезориентации в определении целей дальнейшего развития в России достигает в письме Шлёцера гротескных форм, когда его перо выводит следующие неутешительные слова: «безголовая толпа и голова, не способная сформировать правительство. Небо еще светло, только вот тучи уже сгущаются. В отношении больного, в конце концов, принимать решительные меры должен один. Здесь же кричит целый консилиум врачей, перебивая друг друга <...> Здесь хотят изменить всё, но никто не знает, как и с чего начинать» [80]. В условиях, когда «здесь поднимается недовольство <...> в деревне все разнородно. Беспреданно слышишь об убийствах, которые чинят крестьяне над дворянами» [107], когда «нигде нет здорового политического мнения, нигде нет человека, который может помочь» [108], когда «прежнее уничтожается <...> без хорошей замены. А беспорядки расползаются по тысячам каналов во всей империи» [127], Шлёцер обращает внимание на то, что «только господа на самых верхах, как кажется, беззаботны и предаются детским играм. Великий князь Николай с женой³ и Михаил с женой⁴ вечерами напролет строят карточные домики!» [108-109]. Шлёцер делает тревожный вывод «моя интуиция подсказывает мне, что этой пышности здесь когда-то придет конец» [249].

Положение осложнялось, по наблюдениям Шлёцера, тем, что крестьянская реформа разочаровала главных действующих лиц всей этой истории: крестьянина и помещика. Согласно передаваемым Шлёцером сведениям, крестьяне не верили зачитываемым им положениям реформы, не соглашались признавать направленных императором в губернии флигель-адъютантов монаршими посланниками: «“император хочет уже теперь освободить нас. (Указ – В.Д.), что Вы нам предъявляете <...> не это воля императора. Вы врете! Вы не посланники императора нашего!” – так говорят крестьяне» [225]. Роптало и дворянство. Шлёцер пишет о страхе, который испытывали представители дворянства накануне отмены крепостного права: «покупают помещики боеприпасы, ружья и револьверы» [205], а «Адлерберги, отец и сын, и жандарм Долгоруков⁵, настолько боялись в прошлую ночь, что распорядились стелить свои постели в Зимнем

³ Великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891) и Великая княгиня Александра Петровна (1838–1900).

⁴ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) и Великая княгиня Ольга Фёдоровна (1839–1891).

⁵ Владимир Фёдорович (1791–1884) и Александр Владимирович (1818–1888) Адлерберги; Василий Андреевич Долгоруков (1804–1868).

дворце и провели там всю ночь» [214]. Подтверждением подобного рода информации служат мемуары российского военного министра Д.А. Милютин. В них сказано, что «были даже сделаны некоторые перемены в дислокации войск, в тех видах, чтобы повсеместно имелась под рукой военная сила»⁶. По прошествии нескольких месяцев с момента публикации Манифеста об освобождении крестьян, настроения среди дворянства не изменились. Интересные сведения Шлёцер дает о поездке Александра II в Москву в мае – июне 1861 г.: «Император был встречен аристократией в Москве слишком прохладно; почти никого из дворянства там не было; немногие из них, кто остался, извинялись перед императором за своих товарищей из-за того, что крестьянский вопрос вынудил всех помещиков разъехаться по деревням. «Я бы хотел, чтобы они там навсегда и остались!» – яростно отвечал император» [233].

На фоне тяжелого финансового состояния империи, что буквально пронизывает письма Шлёцера, и социального недовольства в деревне тревожно звучит неоднократно поднимаемая прусским дипломатом после 19 февраля 1861 г. тема революционной угрозы, нависшей над Россией. Шлёцер писал: «Опасный элемент в деревне – Bessrotschniki, освобожденные на неопределенный срок от обязанностей солдаты. Они приносят с собой из своих бывших гарнизонных городов захватывающие идеи в дома крестьян. Отмена крепостного права рассматривается радикальными элементами как предварительный этап на пути ликвидации всего личного землевладения и деления его между крестьянами: каждый русский имеет одинаковое право на часть земли-матушки!» [205]. И далее: «волнение здесь слишком велико» [213], «из внутренних областей империи тревожные сообщения» [233-234] и «с каждым днем становятся более очевидными симптомы внутреннего тления» [245].

В этой связи заставляет задуматься неоднократно повторяемая Шлёцером в его письмах мысль о неминуемом крахе всего того блеска, которым пленил его Петербург, в случае если российская элита не переместит свой взор от стремления к собственному благополучию в сторону беспокойства о нуждах страны. Довольно символически выглядит завершение петербургской корреспонденции Шлёцера описанием грандиозных пожаров в Санкт-Петербурге в мае – июне 1862 г., причиной которых, как писал прусский дипломат, стали поджоги, устраиваемые членами «гайного политического общества, которое хочет этими продолжающимися пожарами уничтожить капиталистов и увеличить пролетариат, чтобы впоследствии с его помощью осуществить план переворота» [272].

Безусловно, петербургская корреспонденция К. фон Шлёцера отражает субъективные взгляды его автора. Можно обратить внимание на то, что Шлёцер провел в России незначительное время, что могло повлиять на степень объективности его понимания российской действительности,

⁶ Милютин 1999: 63.

однако прусский дипломат имел значительные связи в высшем свете Петербурга, благодаря чему был в курсе последних новостей и оценок внутри- и внешнеполитических событий. Можно упрекнуть Шлёцера в пессимистичности его выводов о ходе преобразований в России, но схожие мысли прослеживаются и в рассуждениях его коллег, как, например, у О. фон Бисмарка, который после очередной встречи с Александром II писал: «по мере того, как русские будут терять веру в безграничную власть императора, перед страной все отчетливее будет вставать опасность убийственной крестьянской войны»⁷. Шлёцер остро и глубоко чувствовал важные проблемы российского общества, на которые обращали внимание выдающиеся русские писатели и мыслители. Он пришел к выводу, что принцип работы механизма государственной машины не всегда был знаком российским государственным деятелям, стремившимся этот механизм модернизировать, что крестьянский мир развивается по правилам, не до конца понятным реформаторам. Это перекликается с повестью Л. Н. Толстого «Утро помещика», в которой говорилось о необходимости спасения всего здания Российской империи, о невозможности решения важнейшего вопроса существования России, вопроса о крестьянстве, лишь бюрократическим или административным путем.

Попытки лучших представителей правящей российской элиты, основанные на абстрактных теориях и идеях и нередко лишенные реальной основы, о чем писал Шлёцер, фактически ухудшили политическую и социальную ситуацию в России. Раздумья о судьбах России так и остались на уровне пространных бесед во время отдыха на европейских курортах, как, например, в живописной округе Баден-Бадена, летней столицы Европы, куда летом 1862 г. приехал и русский писатель И. С. Тургенев. Оттуда он писал: «здесь хорошо: зелено, солнечно, свежо и красиво. Русских много – но всё – высшего полета – и потому низшего сорта – и я их избегаю»⁸. Такая всепроникающая и парадоксальная оценка «высшего полета и потому низшего сорта» была представлена в его романе «Дым». Автор свидетельствовал о крайней нищете мысли этой «баденской» российской элиты, подчеркивал, что свое основное внимание они уделяли только личным интересам, собственному успеху, комфорту, и были чужды решению важных государственных проблем. Эта элита не была в состоянии блокировать реформаторские инициативы царя, но участвовала в них лишь формально, безынициативно, находясь в дыму расплывчатых идей. Из такой лишенной всякого смысла деятельности, о чем писал Шлёцер, из такого неясного дыма, символический смысл которого Тургенев ярко показал в последнем монологе Литвинова, проистекали общее недовольство и горечь, пессимизм русского общества второй половины XIX в.

⁷ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861// Die Politischen Berichte 1920. Bd. II. S. 130.

⁸ Письмо к М.А. Маркович 27 августа 1862 г. // Тургенев 1988: 103.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Курд фон Шлөцер. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1857–1862 / пер. с нем. и коммент. В.С. Дударева. СПб.: Алетейя, 2019. [Kurd fon Shlözer. Lichnaya korrespondenciya iz Sankt-Peterburga. 1857–1862 / per. s nem. i komment. V.S. Dudareva. SPb.: Al-e-tejya, 2019].
- Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М.: «Российский Архив», 1999. [Milyutin D.A. Vospomaniya. 1860–1862. M.: «Rossijskij Arhiv», 1999].
- Отто фон Бисмарк. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859–1862 / пер. с нем. и коммент. В.С. Дударева. СПб.: Алетейя, 2013. [Otto fon Bismark. Lichnaya korrespondenciya iz Sankt-Peterburga. 1859–1862/ per. s nem. i komment. V.S. Dudareva. SPb.: Al-e-tejya, 2013].
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. М.: Наука. 1988. Т. 5. 1862–1864. [Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma. V 18 t. M.: Nauka. 1988. T. 5. 1862–1864.]
- Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris 1859–1862/ hrsg. von Raschdau Ludwig. 2 Bde. Berlin: Hobbing. 1920.

Дударев Василий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; wdudareff@gmail.com

“The sky is still light, but the clouds are already gathering”:

Russia in the perception of the Prussian diplomat Kurd von Schlözer

On the basis of a little-known in Russian and German historiography historical source, this article analyzes the Prussian diplomat Kurd von Schlözer’s perception of the events that took place in Russia on the eve and in the early years of the great reforms of Alexander II, shows the assessment made by Schlözer of the personal qualities of some Russian statesmen, as well as the features of social political background in Russia at that time in the understanding of the representative of the Prussian diplomatic mission in St. Petersburg.

Keywords: *the Russian Empire, the Prussian Kingdom, Kurd von Schlözer, Alexander II., A.M. Gorchakov, K.V. Nesselrode, A. L. von Stieglitz, the great reforms in Russia*

Dudarev Vasily Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, wdudareff@gmail.com